

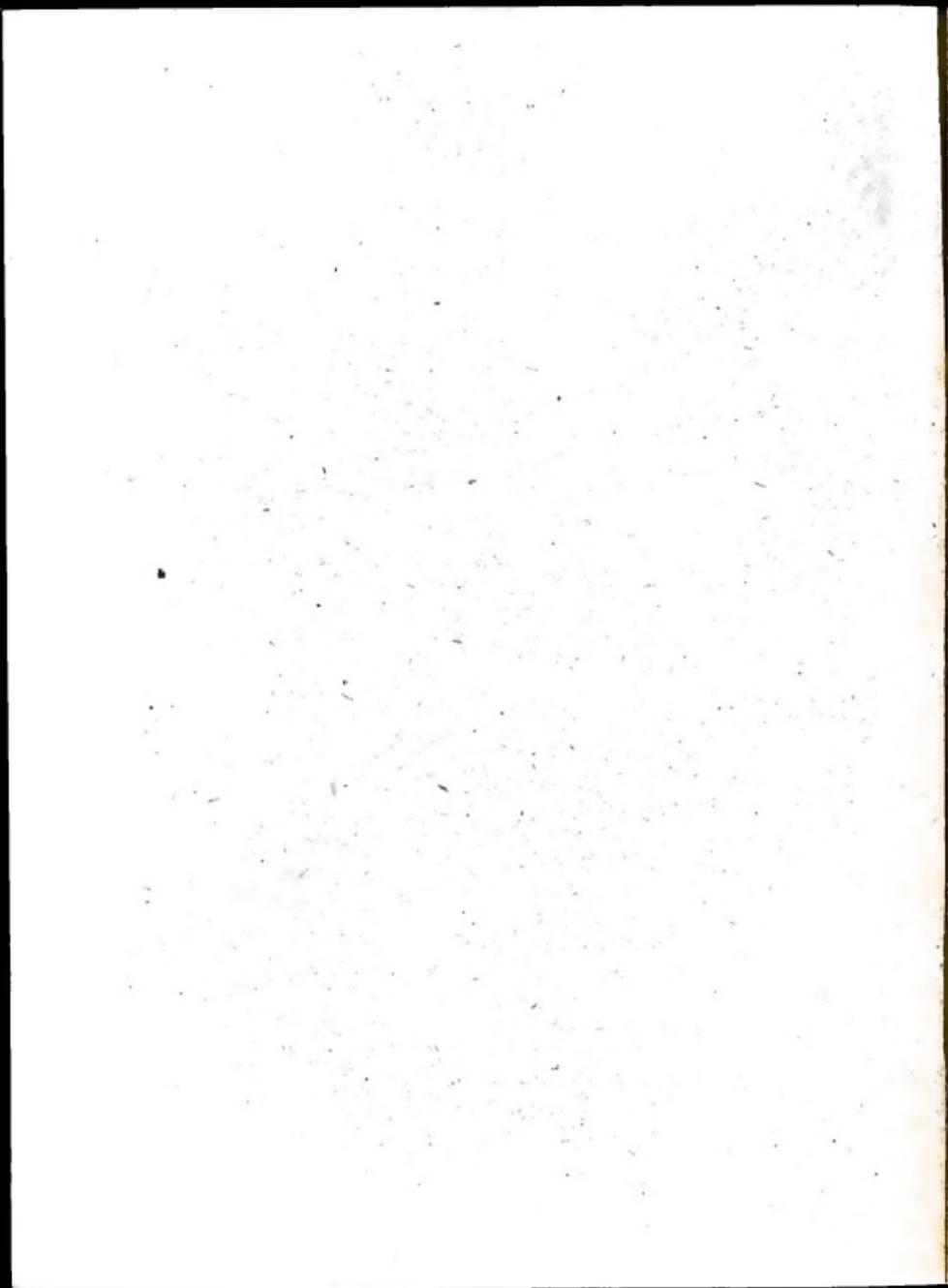
Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171

0967

ОХРАНА МАТЕРИНСТВА
И
БОРЬБА ЗА КУЛЬТУРУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. К. З.
„ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА“
МОСКВА

Д. ТРОЦКИЙ

ЕН №1

0967

X

13/

Охрана материнства
и
борьба за культуру

Речь

на 3-м Всесоюзном Советании по охране ма-
теринства и младенчества 7 декабря 1925 г.

С приложением статьи „Строить социализм —
значит освободить женщину и охранять мать“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Н. К. З.
„ОХРАНА МАТЕРИНСТВА и МЛАДЕНЧЕСТВА“
МОСКВА — 1926

1-2 X M3

К.

ВОЕННАЯ
ТИПОГРАФИЯ
ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
РККА.
Знаменка, 23.
Главлит 51.832.
Тираж 50.000.

ЕН171
0967

1062938

(538)
73

~~3019~~ е 1.
50

~~090~~
~~12104~~

РЕЧЬ

*на 3-м Всесоюзном Совецании
по охране материнства и младенчества
7 декабря 1925 г.*

(K)

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
DEPARTMENT OF CHEMISTRY
530 SOUTH EAST ASIAN AVENUE
CHICAGO, ILLINOIS 60607

Речь на 3-м Всесоюзном Совещании по охране материнства и младенчества

7 декабря 1925 г.

Товарищи, ваше совещание по охране материнства и младенчества дорого тем, что содержанием своих работ показывает, что работу по созданию новой социалистической культуры мы ведем одновременно и параллельно с разных концов. Я только вчера имел возможность, да и то без необходимого для этого времени, а следовательно и без необходимой тщательности, ознакомиться с теми тезисами, которые в виде брошюрки, были представлены вашему совещанию. И что в этих тезисах ярко бросается в глаза прежде всего человеку, стоящему более или менее в стороне (хотя, по существу, никто не имеет права стоять в стороне от вашей работы), это тот факт, что работа ваша приобрела чрезвычайную конкретность, углубленность; от тех туманных задач, которые мы ставили в 18—19 г.г. во всех областях нашей культуры и нашего быта, мы перешли уже к очень конкретному продумыванию и деловой проработке этих

задач на основе нашего общественного опыта, не утрачивая необходимых перспектив, не впадая в крохоборчество,—и это есть колоссальное завоевание наше во всех областях нашей работы, и оно сказывается полностью и целиком в тезисах по охране материнства и младенчества.

Товарищи, наибольшее внимание (по крайней мере мое,—думаю, что это может относиться и ко всякому читателю этих тезисов),—наибольшее внимание обратила таблица, заключающаяся в тезисах тов. Лебедевой о смертности младенцев. Она меня поразила. Вы, вероятно, уже говорили об этом вопросе здесь более конкретно, но я, рискуя повторять то, что уже говорилось, все же на этом должен остановиться. Здесь дана таблица, сравнивающая смертность младенцев в возрасте до одного года за 1913 г. и 1923 г. Верна ли эта таблица?—вот первый вопрос, который я себе ставлю и ставлю другим. Верна ли она? Во всяком случае, она подлежит общественной проверке. Я думаю, что ее нужно извлечь из тезисов, все же доступных лишь вам, специалистам-работникам этого дела. ее нужно сделать боевым достоянием общей нашей печати—советской и партийной—и подвергнуть перекрестному статистическому освещению и проверке, и если она верна, то ее нужно записать уже, как очень ценное завоевание, в наш социалистический культурный инвентарь. Из этой таблицы выходит, что в 1913 году, когда Россия

была значительно богаче, чем мы теперь, — да, Россия, как государство, как нация или как совокупность наций, была гораздо богаче, чем мы теперь (мы теперь приближаемся по производству к 1913 году, но еще не по накоплению, и даже сравнившись полностью с уровнем производства промышленного и сельскохозяйственного в 1913 году, мы еще долго не будем иметь тех накоплений национального богатства, какие имелись в 1913 году), — несмотря на это, оказывается, что смертность младенцев до года в 1913 году была во Владимирской губернии — 29%, теперь — 17½%, по Московской губернии была почти 28%, теперь — около 14%. Верно это или неверно? (*голоса: верно!*). Я не смею этого оспаривать, я говорю только: вы это знаете, это должна узнать и вся страна. Нужно тщательно проверить на глазах у всех разницу этих данных. Оно поразительно — такое падение смертности при более низком уровне производительных сил и накопления в стране. Если это факт, то это есть уже бесспорнейшее завоевание нашей новой бытовой культуры и прежде всего ваших усилий, как организации. Если это факт, то нужно о нем прокричать, не только в рамках нашего Союза, но и в мировых рамках. И если этот факт станет бесспорным, после проверки, для всего общественного мнения, то тогда вы должны будете торжественно заявить, что мы отныне перестаем вообще делать сравне-

ния с довоенным уровнем. Таблица показывает, что в Московской губернии младенцы в возрасте до года умирают в вдвое меньшем проценте, чем до войны. Но ведь наши культурно бытовые условия довоенные были условиями барства и хамства, т.-е. самыми презренными условиями, самыми ужасающими условиями. Успех по отношению к этим условиям очень отраден, но дальнейшим нашим мерилom довоенные условия оставаться не могут. Нам приходится искать другого мерила, а другое мерило, товарищи, нам пока еще приходится искать в цивилизованном капиталистическом мире,— в каком проценте умирают младенцы в капиталистической Германии, Франции, Англии и Америке? И здесь опять-таки я констатирую полный методологический параллелизм, однородность в подходе к вопросу—в вашей работе и во всей остальной. Если вы следите за работой нашей промышленности и нашего сельского хозяйства, то там наблюдается такой же процесс: до вчерашнего дня, до сегодняшнего дня мы работали и работаем с оглядкой на довоенный уровень. Мы говорим: наша промышленность в истекшем году достигла довоенного уровня на 75%, в этом году, который открылся 1 октября, она достигнет, скажем, 95%, а при хорошем обороте дела может быть и всех 100%. Но тем самым мы перестаем сравнивать наши успехи с довоенным уровнем, равняться нам нужно не по довоенному

уровню, который становится достоянием истории нашего варварства, а равняться нам нужно по тому напору,—экономическому, военному, культурному,—который мы испытываем из-за наших границ. Капиталистические враги культурнее нас, могущественнее нас, их промышленность выше нашей, и возможно, что, несмотря на господство у них капиталистического строя, смертность младенческая у некоторых из них сегодня еще ниже, чем у нас. Стало быть, эта таблица, мне кажется, должна стать вехой, отмечающей поворотный пункт в вашей работе. Подвергнув эту таблицу проверке, закрепив ее в общественном сознании, мы говорим: отныне будем сравнивать не с довоенным уровнем, а с наиболее в культурном отношении высоко поставленными государствами капитализма.

Судьба матери и судьба младенца, если говорить схематически, т.-е. о самых основных чертах, зависит, во-первых, от развития производительных сил данного общества, от степени его богатства и, во-вторых, от распределения этих богатств среди членов этого общества, т.-е. от социального строя. Государство может быть по строю капиталистическим, т.-е. стоять на более низкой общественной ступени, чем социалистическое, но тем не менее быть более богатым. Именно такой случай дает нам сейчас история: передовые капиталистические страны несравненно более богаты, чем мы, но система использова-

ния этих богатств и распределение их относятся там к предшествующему периоду истории, т.е. к капитализму. Наш общественный строй по заложенным в нем возможностям должен искать для себя критерии, образцы, цели и задачи несравненно более высокие, чем те, которые может дать капитализм. Но так как капитализм пока еще несравненно богаче нас по производительным силам, то мы должны поставить своей ближайшей задачей сравняться с ним, чтобы потом уже обогнать его. Значит, после того как мы взяли один барьер—довоенный уровень,— нам нужно поставить себе вторую задачу—сравняться как можно скорее с лучшими достижениями наиболее передовых стран, где вопросу материнства и младенчества трудящихся буржуазия уделяет то внимание, какое диктуется ее собственными классовыми интересами.

Можно сказать, что если положение матери и ребенка зависит, во-первых, от развития производительных сил, от общего уровня хозяйства в данной стране и, во-вторых, от общественного строя, от способа использования и распределения богатств данной страны, то какое, мол, значение имеет работа вашей специальной организации? Этот вопрос я ставлю, как вопрос риторический. Каждый общественный строй, в том числе и социалистический, рискует оказаться перед лицом такого явления, что возможности материальные для известного улучшения и изменения

быта уже имеются налицо. Но косность, леность мысли, рабские традиции, консервативное тупоумие встречаются и в социалистическом строе, как связь с прошлым, как отсутствие инициативы и смелости разрушить старые формы жизни. И в том и состоит задача нашей партии и ряда руководимых ею общественных организаций, вроде вашей, чтобы психику, нравы, быт подстегивать, чтобы не отставали бытовые условия от социально-хозяйственных возможностей.

Что касается техники, то здесь кнут есть большой: давление Запада. Мы вышли на европейский рынок, мы продаем и покупаем. Как купцы, мы, т.-е. государство, заинтересованы в том, чтобы дороже продать и дешевле купить, а покупает и продает хорошо тот, кто сам дешево производит, а дешево производит тот, у кого техника хорошая и у кого организация производства стоит на высоте. Значит, тем самым, что мы вышли на мировой рынок, мы поставили себя под кнут европейской и американской техники. Тут уже, хочешь не хочешь, иди вперед. Все вопросы нашего общественного строя, а значит и судьбы материнства и младенчества, зависят от того, с каким успехом мы выдержим это новое мировое соревнование. Что с буржуазией в нашей стране мы справились, что на основании нэпа наша государственная промышленность преуспевает и развивается, что нет опасности в том, что частный промышленник побе-

дит на основе рынка государственную промышленность, на этот счет есть цифры, бесспорно подтверждающие это,— это для всех теперь ясно. Но раз мы вышли на международный рынок, тут уже конкурент более крупный, конкурент более могущественный, более образованный. Мы имеем здесь новое мерило в области хозяйства—выравнивание с европейской и американской техникой, чтобы затем превзойти ее.

Вчера мы открывали электрическую станцию в 130 километрах от Москвы—Шатурскую станцию. Это—крупнейшее техническое завоевание. Шатурская станция построена на торфе, на болоте. Болот у нас достаточное количество, и если мы научимся дремлющую энергию наших болот превращать в движущую энергию электричества, то это отразится благотворно и на материнстве и на младенчестве (*аньодисменты*). Чествование строителей этой станции дало нам попутно яркую картину всей нашей культуры со всеми ее противоречиями. Мы выехали из Москвы. Что такое Москва? Провинциальные делегатки, впервые попавшие в Москву, видят, что Москва— это наш союзный советский центр, это идейный мировой центр в смысле руководства рабочим движением. Шатура (в 100 верстах с небольшим от Москвы) есть крупнейшее техническое достижение; это, по размерам и конструкции, единственная в мире торфяная электрическая станция.

Между Шатуркой и Москвой мытлядели в окна вагонов—лес, дремучий, непроходимый, такой, каким он был в XVII столетии, деревеньки, разбросанные там и сям, почти такие же, как были в XVII столетии. Культуру в этих деревеньках, конечно, революция подняла, особенно под Москвой, но сколько там еще черт средневековья, ужасающей отсталости и, прежде всего, в вопросе материнства и младенчества. Да, вы сделали впервые крупные завоевания в деревне, с которыми вас может поздравить каждый сознательный гражданин нашего Союза. Но ваши тезисы отнюдь не скрывают того, сколько еще дремучей темноты в каждой деревне — в том числе и на пути между Москвой и между Шатуркой. Надо подогнать деревню под Москву, под Шатурку, ибо Шатурка есть высокая техника, построенная на электрификации. Здесь можно опять вспомнить слова В. И. Ленина о том, что социализм есть советская власть плюс электрификация. Подгонять быт, чтобы он не отставал от технических завоеваний, это и есть важнейшая ваша задача, ибо быт страшно консервативен, несравненно консервативнее, чем техника. Перед крестьянином и крестьянкой, рабочим и работницей, нет непосредственных образцов нового, которые заставляли бы равняться по ним, и нет вынужденной необходимости по ним равняться. А в отношении техники Америка говорит нам: „Стройте Шатуру, иначе пожрем весь ваш соци-

ализм с костями без остатка". А быт как бы законсервировался в скорлупу, он не ощущает непосредственно этих ударов, поэтому здесь особенно необходима инициативная общественная работа.

Я уже упоминал, что из тезисов я узнал о том, какой большой почин сделан вами в отношении проникновения в деревню. Тут в тезисах Е. А. Федер имеется указание не только на то, что в деревне есть колоссальная потребность в яслях, но есть и огромный напор со стороны крестьянства, т. е. сознательное стремление эти ясли в деревне иметь. А между тем, еще не так давно — в 18-19 г. г. — в городах к ним было величайшее недоверие. И это есть, несомненно, огромное завоевание, если уже подобралась новая общественность в крестьянской семье с этого угла. Ибо и крестьянская семья будет постепенно перестраиваться. На этом я склонен был бы особенно остановиться, ибо у нас даже в печати раздаются такие голоса, как-будто бы мы должны были в вопросах семьи подделяться под худшие крестьянские предрассудки, и будто бы это и есть вывод из смычки. На самом деле наша задача в том, чтобы, исходя из того, что есть в деревне, — а есть и отсталость, и предрассудки, и темнота, которых нельзя росчерком пера уничтожить, — найти „смычку“, найти жизненный крючок, зацепившись за который можно было бы умело тянуть крестьянскую семью

вперед по пути к ближайшим этапам социализма, а ни в коем случае не пассивно подделываться под существующие понятия, традиции, которые основаны на рабстве. Что такое наша старая культура в области семейно-бытовой: сверху барство, которое налагало печать хамства на основе бескультурности и темноты на всю общественную жизнь. И если наш пролетариат, вышедший из крестьянства, в области классовой борьбы, революционной политики одним прыжком в какие-нибудь 30—50 лет сравнялся с пролетариатом Европы и потом обогнал его, то в области семейно-бытовой, в области личных нравов и в пролетариате еще немало старой крепостной отрыжки. А в семье интеллигентской, мещанской, настоящего подлинного крепостничества можно найти еще сколько угодно. Не ставить себе утопической задачи каким-нибудь единовременным юридическим скачком перевернуть старую семью— тут сорвешься и себя перед крестьянином скомпрометируешь, но в меру материальных возможностей, в меру уже обеспеченных условий общественного развития, воздействовать и по юридической линии, направляя семью в сторону будущего. Я не собираюсь сейчас говорить о новом брачном законопроекте, который подвергается обсуждению и о котором я оставляю за собой право высказаться. Полагаю, что и ваша организация в борьбе за правильное брачное законодательство займет надлежащее место.

Я хочу остановиться на одном лишь аргументе, который меня поразил. Аргумент, примерно, такой: как же, дескать, дать „внебрачной“ матери, т.-е. матери, которая не зарегистрирована, такие же права, как „брачной“ матери, на помощь со стороны отца? Ведь это значит толкать женщину на такие связи, на которые она не пошла бы, если бы законодательство отказывало ей в этом праве?

Товарищи, это до такой степени чудовишно, что думаешь: неужели мы в социалистически перестраиваемом обществе, т.-е. в Москве или Шатурке, а не где-нибудь посерединке между Москвой и Шатуркой в дремучем лесу? Здесь отношение к женщине не только не коммунистическое, а реакционно-обывательское в худшем смысле этого слова. Можно представить себе так, что права женщины, которая несет на себе последствия каждого брачного союза, хотя бы и мимолетного, у нас ограждены сверхизбыточно. Думаю, незачем доказывать всю чудовищность этой постановки вопроса. Но это симптоматично и свидетельствует о том, что в наших традиционных взглядах, понятиях и привычках есть много поистине дремучего, такого, что нужно пробивать тараном.

Бороться за материнство и младенчество в нынешних наших условиях — значит бороться, в частности, против алкоголизма. Я, к сожалению, не заметил здесь тезисов об алкоголизме (голоса:

из нет). Простите, я пришел слишком поздно, и не могу предложить внести в порядок дня этот пункт, но я буду ходатайствовать, чтобы этот вопрос внести в порядок дня следующего вашего совещания и, главное, в вашу текущую работу. Нельзя бороться за улучшение положения матери и младенца, не борясь развернутым фронтом против алкоголизма.

В тезисах говорится, и правильно говорится, что беспорядочные половые связи нельзя по произволу скинуть со счетов, и что нужно мощное общественное мнение против частых разводов и проч. Это правильно. Но, т. т., оценивая половые связи, как легкомысленные во многих случаях, надо сказать: нет большей угрозы, как те половые связи, которые создаются под влиянием алкоголизма, в опьянении, и которые дают очень высокий процент в малокультурной среде. Именно ваша организация должна взять, мне кажется, на себя инициативу в борьбе с пьянством.

Если мы расщепляем вопрос о судьбе матери и младенца на ряд вопросов, выделяя в частности борьбу с алкоголизмом, то мы все отдаем себе ясный отчет в том, что основная форма борьбы за большую устойчивость и культурность семейных связей и отношений состоит в повышении уровня человеческой личности. Отвлеченной пропагандой или проповедью этому делу не поможешь. Законодательные рамки в смысле

БИБЛИОТЕКА
Льва Маршала
при ЦК КПСС

4062938

с 90 / 72/64

обеспечения матери в труднейшие периоды ее жизни и обеспечения младенца абсолютно необходимы, и если мы допустим в законодательстве перегиб, то, разумеется, не в сторону отца, а в сторону матери и младенца, ибо права матери, как бы юридически они ни были обеспечены, в силу нравов, обычаев, роли самой матери будут на деле недостаточно обеспечены, пока мы не доживем до развернутого социализма, а тем более коммунизма. Поэтому юридически надо дать наибольший уклон в сторону матери и младенца. Борьбу вести по разным колеям, в том смысле и с алкоголизмом. В ближайшее время это будет не последнее ответвление в нашей работе.

Но основной путь, повторяю,—поднять человеческую личность. Чем человек выше духовно, по природе своих интересов, по своему уровню, тем большего он требует от себя и от своей подруги или от друга; чем больше взаимные требования, тем прочнее связь, тем труднее рвется. Стало быть, основная задача разрешается во всех областях нашей общественной работы под'емом промышленности, под'емом сельского хозяйства, благосостояния, культуры, просвещения. Все это ведет не к хаотическим связям, а, наоборот, к более устойчивым, которые, в конце концов, не будут требовать никакого юридического оформления.

Еще раз о работе в деревне. Мне кажется, что здесь нет упоминания о наших сельско-хозяй-

ственных коммунах (*голоса: есть*). Извиняюсь, стало быть, это мое упущение. Не так давно я посетил две крупные сельско-хозяйственные коммуны, одну—в Запорожском округе, на Украине, другую—в Терском округе, на Сев. Кавказе. Конечно, это еще не „Шатура“ нашего быта, т.-е. нельзя сказать, что это так же знаменует новый семейный быт, как Шатура знаменует новую технику, но намеки тут есть, особенно, если сравнить с тем, что есть вокруг, в деревне. В коммуне есть ясли, как постоянное учреждение, основанное на всей трудовой кооперации, как составная часть большой семьи. Есть комната девочек-подростков, комната—мальчиков-подростков. В Запорожье, где членом коммуны был художник, стены детских очень недурно украшены рисунками. Общая кухня, общая столовая, клуб—библиотека. Это, действительно,—маленькое детское царство в особо отведенном фланге общего дома. Это огромный шаг вперед по сравнению с крестьянской семьей. Женщина в коммуне чувствует себя человеком.

Конечно, т. т., я отдаю себе ясный отчет в том, что это, во-первых, маленький оазис и, во-вторых, не доказано еще, что этот оазис сам обеспечивает свое расширение, ибо производительность труда в этих коммунах еще далеко не обеспечена. А, вообще говоря, всякая общественная форма, всякая ячейка будет жизнеспособна, если

производительность труда у нее будет расти, а не оставаться на том же уровне или падать. Построить социализм, обеспечить судьбу матери и младенца можно только на основе роста народного хозяйства, — на основе же упадка и нищеты можно только вернуться к средневековому варварству. Но зародыши новых возможностей в сельско-хозяйственных коммунах, несомненно, показаны, и они особенно драгоценны теперь, когда товарно-хозяйственное развитие деревни на крайних флангах, кулацком и бедняцком, возрождает в тех или иных пределах формы капиталистического расслоения. Тем дороже для нас в деревне всякие формы кооперирования, всякие формы коллективного разрешения хозяйственных, бытовых, культурных или семейных задач. То обстоятельство, что деревня, как говорится в тезисах, обнаруживает напор на ясли, которого не было до сих пор, причем, как изложено здесь, напор начался со стороны бедняцких семейств и перешел на средняцкие семьи, этот факт имеет колоссальное значение, если рядом с этим мы будем иметь маленькие производственные и семейно-бытовые деревенские „Шатурки“, т.-е. сельско-хозяйственные коммуны, которые, как мне кажется, вам надо взять под особое попечение со стороны их семейно-бытового уклада и положения в них матерей и младенцев.

Я очень интересовался отношением крестьянства к коммуне „Коммунистический Маяк“. Маяк—слово многозначительное. Маяк—это то, что указывает путь, светит всем издалека. Таких названий мы понадавали в 18 году сколько угодно, но сколько у нас оказалось случайных, необоснованных, а иногда легкомысленных „маяков“, из которых многие потухли! И поэтому очень важно было проверить это название, в какой мере оно себя оправдывает. И надо сказать, что несмотря на то, что этот „маяк“ светит в области, главным образом, казачества и отчасти сектантов, баптистов и пр.,—а и тот и другой элемент достаточно консервативен,—вражды былой, старой к коммунам не осталось. Т.е. она есть, несомненно, у кулацких элементов, но так как эта коммуна работает более или менее дружно, так как эта коммуна имеет 3 трактора, которые обслуживают на сходных условиях и округу, то она через эту „смычку“ приучает и окружающее казачество к новым семейно-бытовым формам, и уже прежней вражды, говорю, нет. Это серьезный плюс. Некоторые товарищи говорили мне, что в отдельных советских кругах проявляется такое отношение, что, мол, сел.-хоз. коммуна теперь не ко двору, не ко времени, что это есть предвосхищение завтрашнего дня. Неправда. Коммуна есть один из зародышей завтрашнего дня. Конечно, главная работа подготовки завтрашнего дня ведется

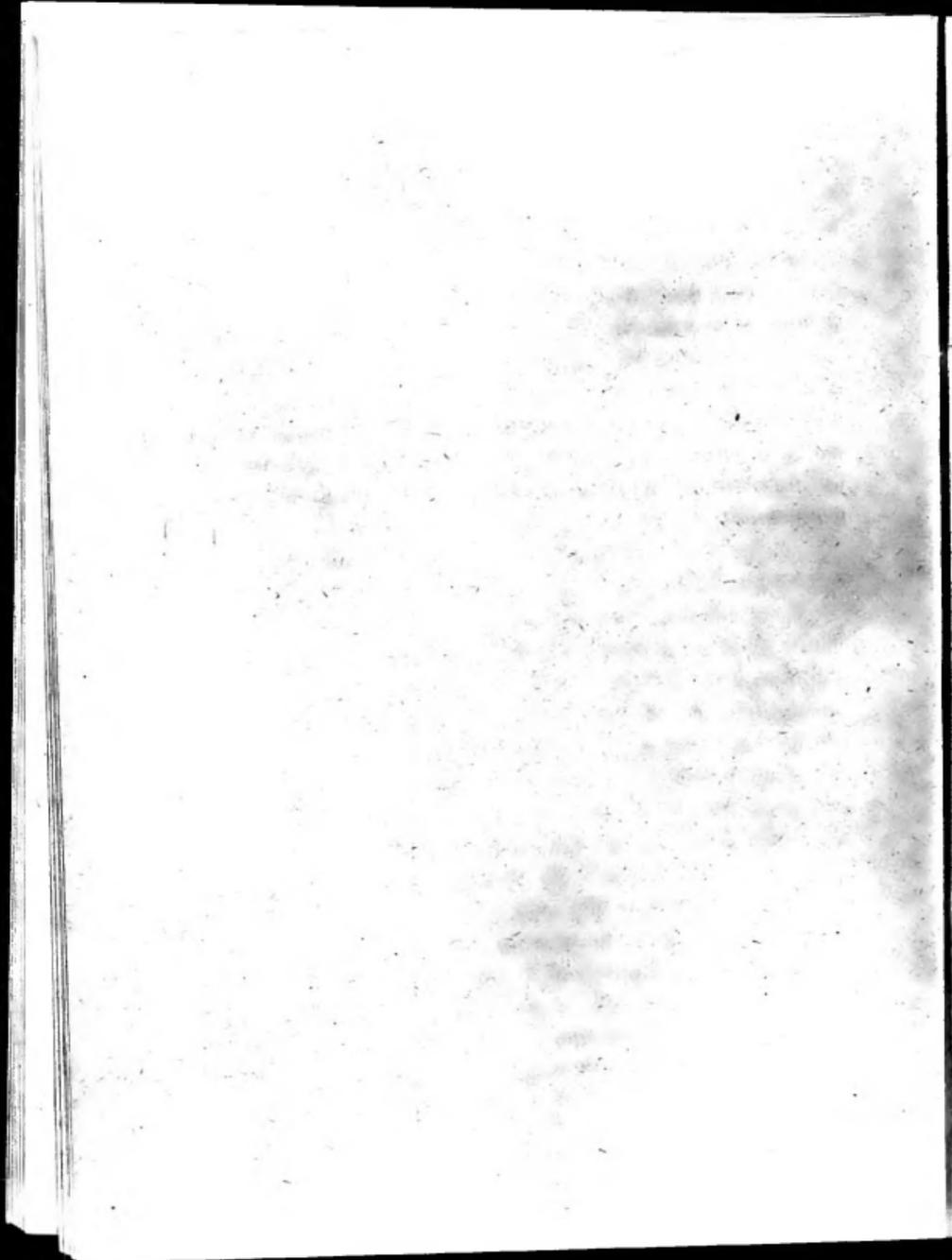
по более основным линиям; это — развитие промышленности, которая даст деревне техническую базу для индустриализованного сельского хозяйства; это — кооперативная форма распределения хозяйственных благ, без которой нельзя крестьянина-середняка подвести к социализму. Но наряду с этим иметь такого рода живые образцы новых хозяйственных форм и новых семейно-бытовых отношений в деревне, иметь такие семейно-бытовые „Шатурки“ — значит тоже снизу готовить завтрашний день, помогая выработать новые отношения к женщине и к ребенку.

Мы, марксисты, говорим, что ценность общественного строя определяется развитием производительных сил. Это бесспорно. Но можно подойти к вопросу и с другого конца. Развитие производительных сил нужно нам не само по себе. В последнем-то счете развитие производительных сил нужно нам потому, что оно создает почву для новой человеческой личности, сознательной, не имеющей над собой господ на земле, не боящейся мнимых господ, порожденных страхом, на небе, — человеческой личности, которая впитывает в себя все лучшее, что было создано мыслью и творчеством прошлых веков, которая солидарно со всеми другими идет вперед, творит новые культурные ценности, создает новые личные и семейные отношения, более высокие и благородные, чем те, которые рождались на почве классового рабства. Нам дорого развитие

производительных сил, как материальной предпосылки для более высокой человеческой личности, не замкнутой в себе, но кооперативной, артельной. С этой точки зрения можно сказать, что еще, вероятно, на многие десятилетия можно будет оценивать человеческое общество в зависимости от того, как оно относится к женщине-матери и к ребенку,—и не только общество, но и отдельного человека. Человеческая психика вовсе не развивается одновременно во всех своих частях. Мы живем в век политический, век революционный, когда рабочий и работница развиваются в борьбе, формируются прежде всего революционно-политически. А те клеточки сознания, где сидят семейные взгляды и традиции, отношение одного человека к другому, к женщине, к ребенку, и прочее—эти клеточки остаются нередко еще в старом виде. Их еще революция не проработала. Те клеточки в мозгу, в которых сидят взгляды общественные и политические, прорабатываются в наше время гораздо скорее и резче, благодаря всему складу общества и благодаря эпохе, в которую мы живем. (Конечно, это лишь образное выражение— в мозгу процесс идет иначе...). И поэтому мы еще долго будем наблюдать, что вот строим новую промышленность, новое общество, а в области личных отношений еще остается многое от средневековья. И поэтому одним из критериев для оценки нашей культуры и мери-

лом для отдельных работников - пролетариев, пролетарок, передовых крестьян—является отношение к женщине и отношение к ребенку. Владимир Ильич учил нас оценивать рабочие партии в зависимости от того, в частности и в особенности, как они относятся к угнетенным нациям. к колониям. Почему? Потому, что если взять, скажем, английского рабочего, то гораздо легче воспитать в нем чувство солидарности со всем его классом,—он будет принимать участие в стачках и даже дойдет до революции, — а вот заставить его подняться до солидарности с желтокожим китайским кули, относиться к нему, как к брату по эксплуатации, это окажется гораздо труднее, потому что здесь нужно пробить скорлупу национального высокомерия, которая отлагалась в течение веков. Так вот, товарищи, скорлупа семейных предрассудков, в отношениях главы семьи к женщине и к ребенку,—а женщина это кули семьи,—эта скорлупа складывалась в течение тысячелетий, а не веков. И поскольку вы являетесь, должны являться тем нравственным тараном, который будет пробивать эту скорлупу консерватизма, коренящегося в старой нашей азиатчине, в рабстве, в крепостничестве, в предрассудках буржуазных и в предрассудках самих рабочих, вынесенных из худших сторон крестьянских традиций, — поскольку эту скорлупу вы будете разрушать, как таран в руках строящегося социалистического общества, — каждый

сознательный революционер, каждый коммунист, каждый передовой рабочий и крестьянин обязаны вас поддержать всеми силами. Желаю вам всякого успеха, товарищи, и, прежде всего, желаю вам большего внимания со стороны нашего общественного мнения. Нужно поставить вашу работу, поистине очистительную, поистине спасительную, в центр внимания нашей печати, чтобы плечом всех передовых элементов страны подпереть ее, помочь вам достигнуть успехов в перестройке нашего быта и нашей культуры (*шумные аплодисменты*).

Строить социализм — значит освобождать женщину и охранять мать.

Измерять наше движение вперед вернее всего можно по тем практическим мерам, какие проводятся для улучшения положения матери и ребенка. Этот измеритель очень надежен, он не обманет. Он сразу обнаруживает и материальные успехи и культурные достижения в широком смысле. Исторический опыт показывает, что даже пролетариат, уже борющийся с угнетателями, далеко не сразу сосредоточивает необходимое внимание на угнетенном положении женщины-хозяйки, матери, жены. Такова страшная сила привычки к семейному рабству женщины! О крестьянстве нечего и говорить. С тяжестью и беспросветностью судьбы женщины-крестьянки, и не только из бедной, но и из средней семьи, не сравнится, пожалуй, и сегодня еще никакая каторга. Ни отдыха, ни праздника, ни просвета! Наша революция только постепенно добирается до семейных основ, пока главным образом в городах, в промышленных районах, и лишь очень медленно проникает в деревню. А задачи тут неизмеримые.

Изменить в корне положение женщины можно, лишь изменяя все условия общественного и семейно-бытового существования. В том и выражается глубина вопроса о матери, что в этой живой точке пересекаются, в сущности, все решительно нити хозяйственной и культурной работы. Вопрос о материнстве—это прежде всего вопрос о квартире, водоснабжении, кухне, прачечной, столовой. Но точно также и вопрос о школе, о клубе, о книге. Пьянство бьет беспощаднее всего по хозяйке-матери. Безграмотность, безработица точно также. Водопровод и электричество в квартире прежде всего облегчают ношу женщины. Материнство—вопрос всех вопросов. Сюда сходятся все нити и отсюда опять расходятся во все стороны.

Несомненный рост материального достатка в стране позволяет, а значит и повелевает поставить заботу о матери и ребенке несравненно шире и глубже, чем до сих пор. Степень нашей энергии в этой области покажет, в какой мере выросли мы и окрепли идейно, культурно, в какой степени научились связывать концы с концами в основных вопросах нашей жизни.

Как нельзя было приступить к постройке советского государства не освободив крестьянина от пут крепостничества, так нельзя двигаться к социализму, не высвобождая крестьянку и работницу из семейно-хозяйственной кабалы. И если зрелость рабочего-революционера мы опре-

деляли не только по его отношению к капиталисту, но по его отношению к крестьянину, т.е. по его пониманию необходимости крестьянского раскрепощения, — то теперь социалистическую зрелость рабочего и передового крестьянина мы можем и должны измерять по их отношению к женщине и ребенку, по их пониманию необходимости раскрепостить каторжанку-мать, дать ей возможность выпрямить спину и приобщиться, как следует, к общественной и культурной жизни.

Материнство есть узел всех вопросов. Оттого каждую новую меру, каждый закон, каждый практический шаг хозяйственного и общественного строительства надо проверять также и на вопросе о том, как все это отразится на семье, затруднит ли или облегчит судьбу матери, улучшит ли положение ребенка.

Огромное число беспризорных детей в наших городах страшнее всего свидетельствует о том, что мы еще со всех сторон охвачены путами старого общества, которое злее всего проявляет себя в эпоху своей гибели. Положение матери и ребенка никогда не было так трудно, как в годы перелома от старого к новому, особенно в годы гражданской войны. Интервенция Клемансо и Черчилля, колчаковщина, деникинщина, врангелевщина ударили жесточе всего по работнице, по крестьянке, по матери и оставили нам наследство небывалой еще по размерам детской беспризорности. Дитя — от матери, и беспризор-

ность детская есть, прежде всего плод материнской беспризорности. Забота о матери есть самый верный и глубокий путь к улучшению судьбы ребенка.

Общий рост хозяйства создает условия для постепенной перестройки семейно-хозяйственного быта. Все связанные с этим вопросы надо ставить в полном объеме. Мы приступаем с разных концов к обновлению основного капитала страны: заводим новые машины на смену старым, строим новые заводы, обновляем железнодорожное имущество; крестьянин приобретает плуги, сеялки, тракторы. Но самым основным „капиталом“ является народ, т.-е. его сила, его здоровье, его культурный уровень. Этот капитал нуждается в обновлении еще больше, чем оборудование заводов или крестьянский инвентарь. Нельзя думать, что века рабства, голода, неволи, годы войны и эпидемий прошли бесследно. Нет, они оставили в живом организме народа и раны и рубцы. Туберкулез, сифилис, неврастения, алкоголизм—все эти болезни и многие другие широко распространены в массах населения. Надо оздоравливать нацию. Без этого немислим социализм. Надо добираться до корней, до источников. А где источник нации, как не в матери? Борьбу с беспризорностью матери—на первое место. Жилищное строительство, создание яслей, детских садов, общественных столовых, прачечных надо поставить в центре внимания, и при том

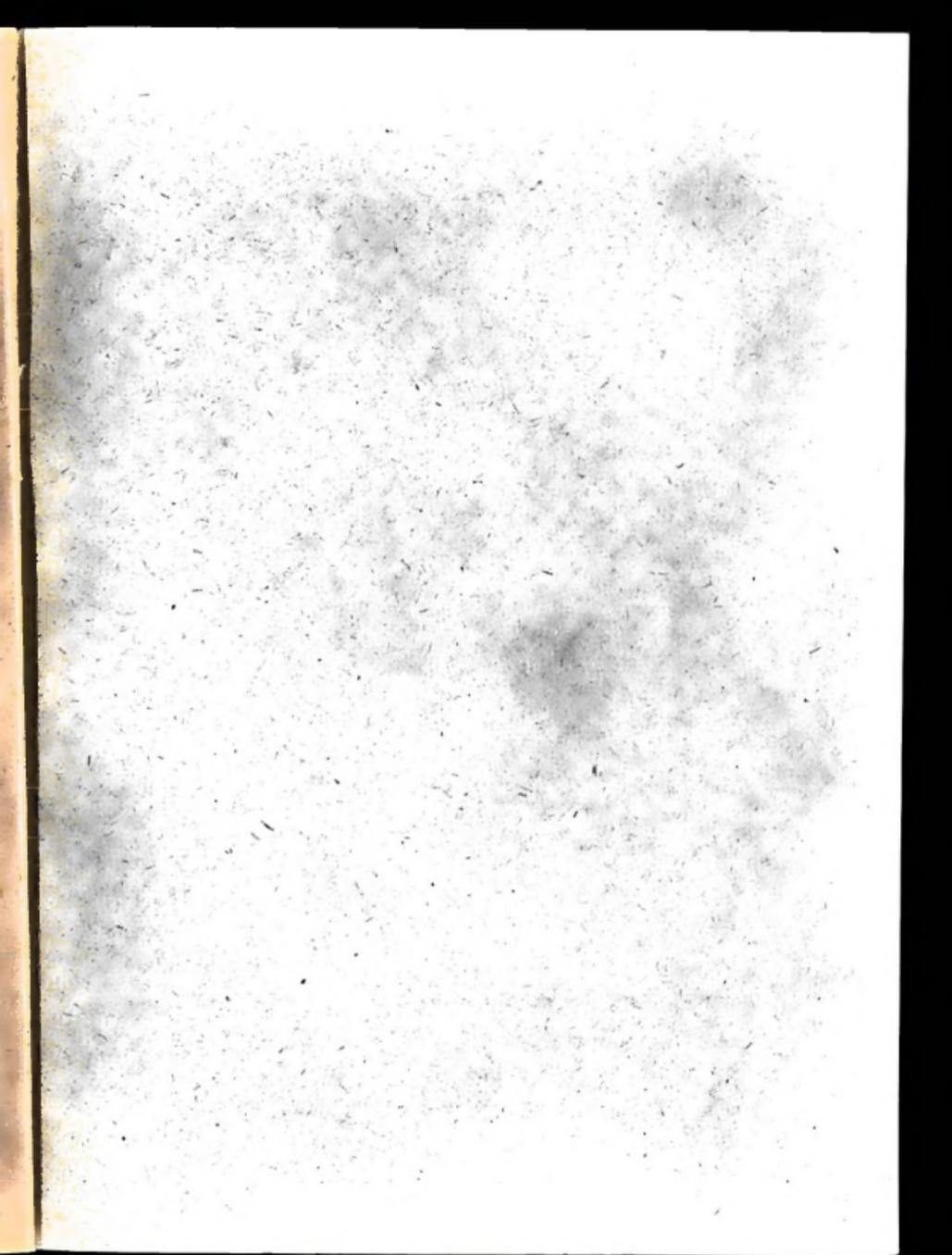
внимания бдительного и хорошо организованного. Здесь вопросы качества решают все. Ясли, столовые и прачечные надо поставить так, чтобы они преимуществами своими способны были нанести смертельный удар старой замкнутой семье, целиком опирающейся на согнутые плечи хозяйки-матери. Улучшение постановки неизбежно вызовет приток спроса, а затем приток средств. Содержание детей в яслях, как и питание взрослых в общественных столовых, обходится дешевле, чем в семье. Но передвижка материальных средств от семьи к яслям и столовым произойдет только в том случае, если общественная организация научится лучше удовлетворять первейшие потребности, чем семейная. На вопросы качества надо обратить теперь особое внимание. Нужен бдительный общественный контроль и постоянное подстегивание всех органов и учреждений, которые обслуживают семейно-бытовые нужды трудящихся масс.

Зачинщицами в великой борьбе за освобождение матери должны быть, разумеется, передовые работницы. Надо во что бы то ни стало это движение перекинуть в деревню. В нашем городском быту еще не мало мещански-крестьянского. У многих рабочих взгляд на жену еще не социалистический, не пролетарский, а консервативно-мужицкий, по существу средневековый. Так, угнетенная семейным гнетом мать-крестьянка тянет за собой на дно мать-работницу. Надо

поднять крестьянку. Надо, чтобы она сама захотела подняться, т.е. надо пробудить ее и указать ей пути.

Нельзя двигаться вперед, покидая женщину в глубоком тылу. Женщина—мать нации. Из женской кабалы вырастают предрассудки и суеверия, окутывающие детство новых поколений и глубоко проникающие во все поры народного сознания. Лучший и наиболее глубокий путь борьбы с религиозностью—это путь всесторонней заботы о матери. Надо ее поднять и просветить. Освободить мать, значит перерезать последнюю пуповину, связывающую народ с темным и суеверным прошлым.

1988

Цена 6 коп.

1р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЗ—РСФСР
„ОХРАНА МАТЕРИНСТВА и МЛАДЕНЧЕСТВА“.

М. Черкасский пер., д. 2/6, тел. 4-15-9, доб. 23.